

Александр и Семен приехали в понедельник, 10 июля; они ничего не привезли и тело начало уже портиться из-за сильной жары; все это время находясь с людьми на прощальных молитвах, я с болью видела, что жестокая смерть уносит потихоньку дядю и делает его непохожим на себя: зеленые пятна проступили на его лице, сильный запах чувствовался во всех комнатах и поднимался наверх, в комнату, где находилась несчастная тетя. Я попросила брата тотчас же поехать в Новгород, сделать там все необходимые покупки и быстро мне их переслать, тем более что тетя выразила желание похоронить прах дяди в монастыре святого Варлаама Хутынского, который расположен на берегу Волхова в одиннадцати верстах от Новгорода; местоположение монастыря очень нравилось моему дяде и он там часть бывал у Евгения^{XXVI}, когда тот был новгородским архиепископом. Брат мой поехал просить разрешения выбрать место и уладить все, чтобы отвезти тело. Между тем домашняя челядь, не видя больше власти хозяина, позволяла себе разные беспорядки. Рассылаемые туда и сюда по разным надобностям, эти несчастные возвращались с боченками водки и пьяные; в таком состоянии они являлись спрашивать приказаний. Никогда не забуду жестокого впечатления, которое я испытала ночью того 10 июля. Чтобы остановить всеобщий беспорядок среди мужчин и даже среди женщин, которые в отчаянии пили, а потом ссорились в передних, я, не имея никого, чтобы могла положиться, силой заставила себя взять ключи от дома, так, как делала моя тетя; ко мне обращались со всем, в чем была нужда. Может быть, к своему счастью я возложила на себя эту обязанность, это заставляло меня ходить от одного места к другому, невольно занимаясь мелкими заботами. Я чувствовала себя плохо от ужасного жара, который изводил все мое существо; со времени нашего несчастья я не могла ни на мгновение заснуть. Мое волнение было таким сильным, что я не могла оставаться на месте и ходила без устали. Десятого тетя настоятельно попросила меня лечь: *«Она с ног свалится и этого не чувствует»*, — сказала она. Я повиновалась, но в три часа ночи меня спросили. *«Сударыня, — сказал Савка, едва держась на ногах, — извольте пожаловать еще водки, у пономаря в горле пересохло»*. Я спустилась по лестнице, и как сжалось мое сердце, когда я услышала пение псалмов над телом моего дяди, а с другой стороны, во дворе — песни и танцы беспутной прислуги.

Этот ужасный контраст, эта смесь безудержного веселья и самого глубокого отчаяния заставили меня испытать чувства, которые я никогда не забуду.

Я заставила их замолчать, этих несчастных! — и почувствовала себя так плохо, что, выдавая водку, которую просил у меня пьяница, упала бы, если б он же меня не поддержал. С какими разными